

Время и впрямь пришло.

Объективы камер погасли, знаменуя конец шумного праздника. Машины съёмочной группы первыми покинули стоянку, а за ними потянулись и фанаты, нехотя спускаясь по горному склону. Солнце клонилось к горизонту, оставляя на земле лишь клочки бумажного мусора; дети растерянно смотрели на опустевшую дорогу, словно не в силах привыкнуть к внезапно похолодавшему воздуху.

Хун Жу, то уговаривая, то подгоняя, завела воспитанников в здание — пришла пора ужина. Учителя, собрав остатки сил, выдавливали из себя ласковые улыбки; они растирали затекшие поясницы и велели детям мыть руки и лица.

Трёхдневное безумие пронеслось как дивный сон. Суетный мир ворвался в горы и принёс с собой нечто неуловимое, что уже начало подтачивать привычный уклад жизни.

Хун Жу не знала, как объяснить этим малышам, что те добрые, красивые и весёлые старшие братья, от которых веяло здоровьем и солнечным светом, завтра не придут. И, скорее всего, не придут никогда.

К счастью, детское внимание переменчиво. Пройдёт пара дней, и они, вероятно, забудут об этом ярком эпизоде.

Суй Ваньцзюнь, опираясь на костыль, сидела у входа в приют, отдыхая и глядя на алые отсветы заката. Она не видела в этом пейзаже ничего особенного — за десятилетия глаз привык к любой красоте. Женщина лишь размышляла о том, что даже в её возрасте, когда тело подводит, она всё ещё может что-то сделать для своих детей.

Конечно, всё это благодаря тому, какими выдающимися они выросли. Но если бы когда-то она не поддавалась порыву жалости и не выходила тех брошенных девочек, разве возникла бы эта связь?

Всё это — дары судьбы.

В сумерках, когда суета улеглась, наступал час для неспешного созерцания, воспоминаний и подведения итогов долгого пути. Старушка чувствовала глубокое умиротворение.

Ли Жун бросил взгляд на Цзян Сюньвэя. Тот медленно закрыл глаза и глубоко вдохнул:

— Я понял.

Когда он снова открыл их, в его обычно спокойном взгляде на миг промелькнула та самая решимость, что была присуща ему в юности. Он толкнул дверцу машины и размашистым шагом направился к воротам приюта.

Ли Жун выудил из бардачка кубик Рубика девятого порядка. В прошлый раз дома он собирал обычный, 3x3: когда понимаешь алгоритм, это не составляет труда, но отлично тренирует выдержку. Разобравшись с простым, юноша перешёл к четвёртому порядку и так, шаг за шагом, дошёл до девятого.

Игрушка была запутан окончательно: цвета перемешались в хаотичном беспорядке. Один взгляд на неё вызывал головокружение, не говоря уже о необходимости помнить сложнейшие формулы, чтобы вернуть грани в исходное состояние.

Цзян Сюньвэй перешёл на бег. Когда он поравнялся с воротами, вечерний ветер растрепал его седеющие волосы, а пальто плотно облепило грудь, тяжело вздымающуюся от волнения.

Он прерывисто спросил:

— Вы — старый директор Суй Ваньцзюнь?

Женщина сидела совсем рядом. Услышав своё имя, она поспешно выпрямилась, опираясь на костыль, и посмотрела на гостя. Она его не знала, но в облике незнакомца чувствовалось благородство — старое, но не увядшее.

— А вы? — Суй Ваньцзюнь поднялась из вежливости.

В это время из столовой, услышав голоса, торопливо вышла Хун Жу.

Цзян Сюньвэй поправил очки; его лицо выражало тревогу, а голос звучал глухо и тяжело:

— Старая настоятельница, наконец-то я вас нашёл. Я — бывший заместитель заведующего педиатрическим отделением Центральной больницы «Цзяцзя», Цзян Сюньвэй.

— Больница «Цзяцзя»? — лицо старушки мгновенно преобразилось, став приветливым. Она махнула охраннику: — Быстрее, открывай, открывай же!

Ко всем, кто был связан с этой больницей, она питала безграничное доверие и симпатию, ведь там работали её сын и дочь.

Хун Жу уже подбежала к настоятельнице и, поддерживая её под руку, настороженно уставилась на гостя. Тот тоже заметил её. На самом деле он ещё до приезда изучил досье на каждого сотрудника «Сяочэнсян», но сейчас сделал вид, что ему требуется время на

воспоминания:

— О, я помню... Два года назад именно вы приезжали в «Цзяцзя», чтобы оформить свидетельства о смерти тех детей, верно?

Хун Жу растерянно кивнула. Тогда она общалась не с самим Цзян Сюньвэем, да и видела его лишь мельком, так что в памяти он не отложился. Но видя, что заместительница подтвердила его слова, Суй Ваньцзюнь окончательно отбросила всякую подозрительность.

— Доктор Цзян, вы прибыли к нам по какому-то делу? — мягко спросила она и тут же велела Хун Жу принести гостю стул.

Собеседник вздохнул и коснулся пальцами переносицы под оправой очков:

— Когда выходишь на пенсию, невольно начинаешь ворошить прошлое. Я хотел навестить того ребёнка, которого мне так и не удалось спасти. На душе беспокойно, этот груз меня не отпускает. За всю мою врачебную практику это был момент моего самого горького бессилия.

Суй Ваньцзюнь была женщиной впечатлительной; услышав это, она мгновенно прослезилась. Прошло два года, но она ни на секунду не забывала то чёрное время, когда оборвались жизни восемнадцати детей. Если бы не её пошатнувшееся здоровье, если бы она лично присматривала за каждым, если бы вовремя заметила их страдания... возможно, лечение не запоздало бы.

— Доктор Цзян, я не чета вам. Я даже вспоминать об этом боюсь... — старушка сжала его руку. В её глазах стояли слёзы, и в багровых отсветах заката казалось, будто в них застыла кровь.

Ли Жун, чуть нахмурившись и закусив губу, внимательно изучал кубик Рубика. Где-то в расчётах закралась ошибка: он собрал одну сторону, но дальше дело не шло. Тепло от обогревателя наполняло салон; лицо юноши, бледное, словно фарфор, казалось сошедшим с картины. Даже когда он хмурился, в этом сквозило особенное очарование.

Цэнь Сяо взглянул на его тонкие пальцы, сжимающие игрушку, и негромко произнёс:

— Если зашёл в тупик, не бойся всё разрушить и начать сначала. Возможно, именно так ты отыщешь иной путь.

Ли Жун мельком глянул на него и, помедлив лишь секунду, решительно провернул грани, перемешивая идеально собранный красный квадрат. Он сделал это без малейшего сожаления о потраченных усилиях.

— Пожалуй, ты прав, — бросил он будничным тоном.

В то же самое время в городе А, что лежал в сотне километров отсюда, Шэнь Гуй крепко держала дочь Тунтун за руку. Она подняла голову, глядя на вывеску Центральной больницы «Цзяцзя», венчавшую семиэтажное здание.

Когда-то это название казалось ей величественным, огромным и недостижимым. Оно ассоциировалось с высокими технологиями и бесконечными часами ожидания. Но сегодня она, жалкий муравей, пытающийся выжить на грани смерти, пришла, чтобы сокрушить этого исполина.

Шэнь Гуй сжала ладонь дочери:

— Ты помнишь всё, что я тебе говорила?

Тунтун была совсем маленькой, но жизнь на грани выживания заставила её повзреть раньше сверстников. Она серьёзно кивнула:

— Помню, мама.

Половина пятого вечера — время, когда врачи на приёме уже собирались домой. К директору Чжай Нин запись закончилась ещё два месяца назад; оставался последний пациент, и, оформив его госпитализацию, она могла уходить.

Шэнь Гуй с Тунтун вошли в лифт. Скромно одетая, измождённая женщина с маленькой девочкой выглядели настолько робкими и жалкими, что их никто не задерживал. Даже медсёстры на стойке регистрации не удостоили их вопросом, решив, что те просто идут за результатами анализов.

Ориентируясь по электронным указателям, Шэнь Гуй нашла кабинет Чжай Нин. Сцепив зубы, она постучала. Спустя полминуты послышался скрежет ножек стула по полу, дверь приоткрылась, и изнутри донёсся голос:

— Входите.

***

Солнце наполовину скрылось за синими горами, и остатки заката походили на расходящиеся по воде круги от брошенного камня.

— Где похоронены дети? Я хочу почтить их память, — Цзян Сюньвэй крепко сжал руку Суй Ваньцзюнь. Двух стариков объединила общая трагедия, и печаль их, казалось, разлилась по всем склонам, залитым багрянцем.

— На заднем склоне горы. Прямо там и похоронили. У нас тут нет кладбища, всё в лесу обустроивали. Это близко, я иногда вожу учителей помянуть их, — голос директора дрожал. Старость брала своё, от волнения на лбу выступила испарина, и запах дешёвой мази на змеином жиру стал отчётливее.

Хун Жу, вернувшись со стулом, увидела, как старушка, опираясь на костыль, ведёт гостя к тропе. Дорога там была неровной, а небо быстро темнело.

— Может, лучше завтра? — обеспокоенно спросила помощница. — Уже сумерки.

Суй Ваньцзюнь отмахнулась:

— Ничего, ничего. Я давно у них не была, они, должно быть, заждались меня.

Хун Жу оставалось только крепко поддерживать её под локоть, чтобы женщина не оступилась. К счастью, директор всю жизнь провела в этих горах и знала каждую кочку; даже большие ноги не слишком замедляли шаг.

Цзян Сюньвэй сверился с часами и, преодолев два крутых подъёма, внезапно заговорил:

— Директор Суй, честно говоря, на сердце у меня лежит камень. За эти два года я так и не смог во всём разобраться, поэтому хочу спросить у вас.

Слушательница замерла, её сердце тревожно ёкнуло:

— Спрашивайте.

Цзян Сюньвэй сглотнул и невольно сжал кулаки:

— Когда я спасал одного из мальчиков, я обнаружил у него сопутствующее заболевание — нарушение свёртываемости крови. — Врач на миг зажмурился и вытер пот со лба. — Это было крайне серьёзно. Это разом перечеркнуло наш план реанимации. Пришлось на ходу менять препараты, схему... Но он... В его медицинской карте для участия в испытаниях об этой проблеме не было ни слова. Если бы я знал заранее, возможно, его удалось бы спасти.

Мужчина тяжело вздохнул, его брови сошлись у переносицы. От волнения он начал жестикулировать, что-то доказывая женщине:

— Волонтёры для первой фазы испытаний, по правилам, не должны иметь хронических патологий. Никто из нас даже не предполагал такого. Я до сих пор не понимаю, как он прошёл отбор. И не только он. Позже я изучил истории болезни всех тех детей... У каждого из них были врождённые дефекты. Именно из-за них они оказались беззащитны перед бактериальной

прогерией. Но почему? Почему все они прошли проверку в больнице?

Суй Ваньцзюнь оцепенела. Она ничего не смыслила в медицине, но значение слов «хронические патологии» понимала прекрасно. У этих детей, помимо бактериальной прогерии, были и другие недуги. Они принимали лекарства, нуждались в особом уходе. Именно из-за этого бедные семьи отказывались от них, оставляя в приюте «Сяочэнсян».

Некоторые из них были уже достаточно взрослыми, чтобы помнить родителей, но они также понимали, почему их бросили: у родных не было денег на дорогое лечение. Приют стал для них единственным убежищем. Они влачили жалкое существование в одиночестве и тишине. Каждое страдание теплилось надеждой на чудесное спасение, но суровая реальность заключалась в том, что «Сяочэнсян» было невероятно тяжело даже просто прокормить их.

В то время учителя менялись постоянно — каждые год-два появлялись новые лица. Многие рассматривали работу здесь лишь как способ «набить» стаж: пара лет в захолустном учреждении давала весомые преимущества в дальнейшей карьере.

Суй Ваньцзюнь терзалась от бессилия. Она не могла требовать от молодых учителей такой же самоотверженности, на которую обрекла себя сама, и ей оставалось лишь надеяться на скорое выздоровление детей.

— А-Нин сказала, что патологии тут ни при чём, всё дело в лекарстве. «Люйиньсюй» — это яд, созданный бессовестными людьми. Дети погибли из-за него, — внезапно воскликнула старушка. Она вцепилась в руку Цзян Сюньвэя, её голос дрожал от ненависти: — А-Нин и подумать не могла, что с препаратом что-то не так. Во всём виноват этот проклятый Ли Цинли! Он думал только о наживе и сгубил моих детей. Он заслужил ту кару, что обрушилась на его голову!

<http://bllate.org/book/15351/1560337>